

ПАВЕЛ ЛУНГИН:

Кушать-то хочется, не хочется петь

Культура. — 1998. — 30 июля — 5 авг. — с. 11

Режиссер

Павел Лунгин

с недавних пор

живет в Париже.

На российском фестивале в Сочи, он, будучи

членом жюри,

значился как

кинематографист

из Франции.

Такова ирония судьбы.

Его фильмы

“Такси-блюз”, “Луна-парк”, “Линия жизни”

вызвали интерес

не только

у нас, но и за пределами

нашего Отечества,

принесли режиссеру

международное

признание.

— Два года назад на “Кинотавре” вы показали свой фильм “Линия жизни”. Отчего же в нынешнем году нет вашей картины в конкурсе?

— Это только моя вина. Я слишком долго думал над тем, каким должен быть мой следующий фильм, пытался написать сценарий по-французски, что отняло массу времени и не принесло удовлетворения. А потом вдруг очень быстро сделал сценарий под названием “Свадьба”. В сентябре начну его снимать. Это будет рассказ о двадцати четырех часах из жизни небольшого провинциального городка.

— Вы так легко сказали, что сами виноваты во всем. Неужели для вас не существует неразрешимой для многих проблемы поиска денег на кино?

— Во всем мире ставить фильмы — дело сложное. У нас плохо понимают, что путь фильма на Западе начинается со сценария. Это совсем не то, что ты приходишь и говоришь: “Я — режиссер и вижу”. Нужен текст с новой постановкой вопроса, с интересными характерами. Имена режиссера, известных актеров — все это замечательно, скорее всего, и денег дадут под них. Тем не менее текст, в котором заключены какая-то идея, сколок будущего фильма, — это тот документ, который читают в банках, на телевидении, когда решается вопрос финансирования. Без него никто вообще не станет с тобой разговаривать.

Я — не режиссер вообще. Так распорядилась жизнь, что я, не знавший, где дырка в камере, им стал. У меня до сих пор осталось чувство зыбкости от случайности произошедшего. Я и первые деньги на кино получил во Франции. В России мне это не удавалось. Вот и теперь

думаю на французские деньги сделать недорогой фильм. Хотелось бы, чтобы он существовал и в России. Неправда, когда режиссер говорит, что делает картину для себя и своих близких. У всех, даже самых знаменитых людей, тревожные, безумные глаза в ожидании реакции на их фильм. Режиссер — мучительная профессия. Даже неприступный Юрий Грымов, с которым я незнаком и который мне всегда казался очень уверенным, успешным человеком, смотрит измученным взглядом. Он ждет, как же пройдет его фильм, и заранее раздираем муками. Мы все такие.

Возвращаясь к тому, с чего я начал, скажу, что все зависит ведь от аппетита. Одно дело — фильм, который стоит миллион долларов, другое — тот, что двадцать пять и выше.

— Когда Андрея Кончаловского спросили, отчего это он не снимает кино в России, он ответил, что нет здесь таких денег, которые бы его удовлетворили.

— Кончаловский — человек с голливудским размахом. Он умеет снимать масштабные фильмы. Я же родился из маленького кино, в студии никогда не работал. Люблю небольшую команду из сплоченных и близких людей. Люблю легкое кино, когда все снимается с лету. Я так поздно начал и практически ничего еще не успел сделать. Мне надо гораздо быстрее работать, а не ждать многомиллионных проектов.

— Видела вас на последнем киносъезде. Есть у вас прекрасная возможность посмотреть на происходящее со стороны. Что вы думаете о приверженности Никиты Михалкова так называемой французской модели кинематографа?

— На съезде многое мне не понравилось, что естественно, ведь съезд — не девушка и не цветок. Он показал, что ситуация катастрофическая. Хотя почему она катастрофическая? Много фильмов и фильмов разных производится. Наверное, их меньше, чем могло бы быть. Сами кинематографисты не верят в себя. Они верны русской традиции — приходи и владей нами. В этом есть что-то азиатское. Я вспоминаю о Мао Цзэдуне, который уходил в пещеры, и весь Китай стоял на коленях, прося его выйти оттуда. Обращение к французской модели разумно. Стало очевидным, что без господдержки, протекционизма кино у нас не выживет. Я не стану говорить об американцах. Там особая, гигантская индустрия. Но есть и английская модель кинематографа. В свое время британская интеллигенция взвыла: “Тэтчер убила английское кино, отказав ему в поддержке”. Лет пять практически не было там фильмов. Потом из упадка начало рождаться самостоятельное оригинальное кино. В результате Англия имеет сейчас сильный и потенциальный художественный кинематограф. Протекционизм — это, конечно, хорошо. И на определенном этапе он необходим. Но, как и во всем протекционистском, здесь есть элемент ослабления. Государство дает тебе льготы, но в то же время оно от тебя чего-то хочет в ответ. Продюсеры при таком подходе не рискуют и работают с государственными деньгами таким образом, чтобы не прогореть. Им, может быть, более выгоден фильм политически корректный, который бы всем понравился, а не рискованный и спорный. Поэтому во Франции и нет класса рискованных продюсеров. Но можно жить и без него. Не

знаю, родился ли он в России. Французское кино породило интеллектуализм, заумь, холодность. Оно живет по принципу — быть не похожим на американские фильмы, а это уже хорошо. Английское кино обрело новый гуманизм, которого нет в громадных голливудских проектах, обернулось новой формой неореализма. Там делают фильмы про простых, небогатых людей, погружаются в гущу жизни. Деньги — они что-то делают с нами. Если бюджет превышает тридцать миллионов долларов, то это может быть красиво, увлекательно, но не будет человечно.

Во Франции привыкли к сильному правительству. Потребность в сильной власти всегда порождает бюрократию. Франция близка к нам по невероятному количеству бюрократических ступеней и препон. Видимо, действительно, нам надо брать какие-то деньги, иметь какой-то фонд, попытаться сделать что-то для того, чтобы бандитские деньги не крутились в кино, чтобы оно стало государственным делом. Во Франции существует квота на телевизионные фильмы, о чем говорит и Михалков. Пятнадцать процентов от стоимости билета идет в фонд развития и поддержки кинематографа. Даже в том случае, когда люди ходят на американские фильмы, они тем самым приносят деньги французскому кино.

— Живете вы, Павел Семенович, в Париже. Чем занимаетесь в перерыве между съемками “больших” фильмов?

— Снимаю документальные фильмы для французского телевидения. Сделал часовую картину о Маяковском. Прежде я видел какие-то идиотские попытки объяснить, почему его убило КГБ. Читал

книги, пропитанные ненавистью к Маяковскому, официальные помпезные биографии. Мы совершенно забыли о том, что это великий поэт, одаренный человек. Ни один из российских телеканалов не выказал интереса к подобного рода материалу. Я не обижаюсь ни на кого, а как-то обхожусь.

Я ездил в Мексику к революционеру Маркосу, который живет в горах Чьяпаса, и снял документальный фильм про странную смесь марксизма с латиноамериканской литературой. Политические доктрины этого человека изложены языком Маркеса и Кортасара, полны безумных литературных отступлений. Сделал я и инсценировку “Собачьего сердца”. Мог бы даже начинать репетиции, но возник русский проект, о котором я вам уже рассказывал. Как видите, я пробую как-то жить.

Если ты не родился в стране, при том, что я свободно говорю по-французски, то не дышишь, как они. Я не считываю секретных кодов, глядя на их лица, не могу понять, кто есть кто, а ведь это то, что я в России чувствую мгновенно. Войти по-настоящему в ту жизнь, наверное, уже не получится. Там от меня ждут французского фильма с французскими актерами. Тем более что со многими из них я общаюсь, и они не отказались бы работать со мной. Но я сам не могу сделать этого шага, нахожусь в плену российских проблем. Мне легче даже снять фильм про средневековье, про плохо одетых людей, которые тяжело живут. Буржуазная легкость, скольжение по жизни — это все то, что я ненавижу.

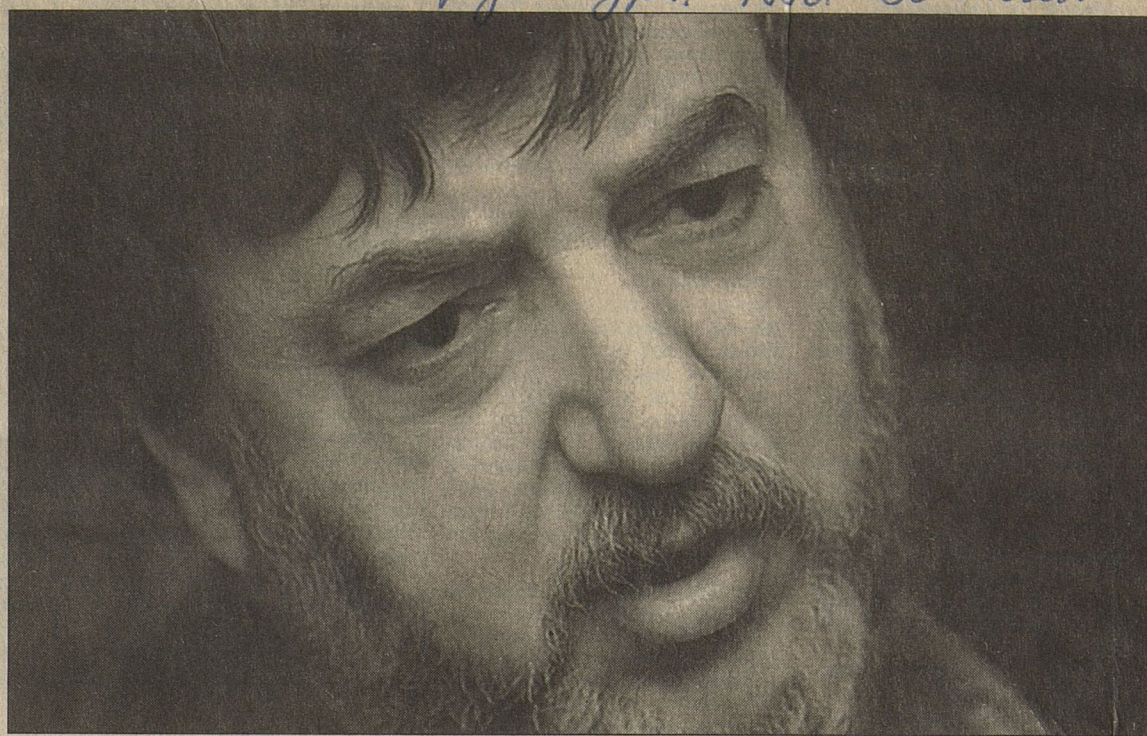
Я чувствую себя во Франции комфортно. Проблема в том, что кушать-то хочется, не хочется петь. Жить там очень хорошо, красиво, легко. Но я воспринимаю там не менее такую жизнь, как пенсионную.

— Трудностей мало?

— Трудности как раз есть. Мало спонтанности, креативности, энергетического всплеска. Все крутится вокруг удобства: поел — попил красиво, выходишь на улицу — чудо, архитектура великолепная. Этот серый Париж, словно река, понес тебя куда-то. Нашей страсти, боли, экстремальности ситуации нет. Все мы — люди, так или иначе воспитанные на Достоевском, Толстом. Нас интересует грешник, прожигающий к добру, волнует открытие души, Бога, но обязательно связанные со злом, проходом через какие-то преграды.

Снять фильм о том, как мужчина и женщина расходятся и он вдруг понимает, как он любит своего пятилетнего ребенка? Наверное, неплохо об этом рассказать. Можно делать фильм о том, как женщина колеблется: лесбиянка она или нет, остаться ей с мужем или уйти к любовнице. Не вдохновляет.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА

Лунгин Павел